

МИНОБРНАУКИ РОССИИ  
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования  
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ  
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Двойное зрение (история и миф) в романе Л. Юзефовича «Филэллин»**

АВТОРЕФЕРАТ МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ

студента 2 курса 251 группы  
направления подготовки 45.03.01 – «Филология»  
(профиль «Отечественная филология» (Русский язык и литература))  
Института филологии и журналистики

Самсоника Никиты Михайловича

Научный руководитель  
профессор, д.ф.н., доцент  
должность, уч. степень, уч. звание

\_\_\_\_\_  
подпись, дата

Г.М. Алтынбаева  
инициалы, фамилия

И.о. зав. кафедрой  
профессор, д.ф.н., доцент  
должность, уч. степень, уч. звание

\_\_\_\_\_  
подпись, дата

А.А. Гапоненков  
инициалы, фамилия

Саратов 2026

Проблема соотнесения исторической точности и художественного вымысла остаётся главным вопросом при изучении природы исторического романа. Теоретик литературы и автор исторических романов Юрий Тынянов писал: «Там, где кончается документ, там я начинаю». Там, где исторический документ не раскрывает оставшиеся тёмными места, художник волен «додумать» и заполнить это пространство художественным вымыслом. В этом отношении примечателен роман «Филэллин» Л.А. Юзефовича. Этот текст является **объектом** нашего исследования.

В романе «Филэллин» повествуется о греческой освободительной войне против Османской империи. Автор работает с разнообразными жанрами (эпистолярный, дневники, «диалоги с несуществующими собеседниками») и вводит множество героев, имеющих разные взгляды на происходящее. Это формирует ощущение документального свода: читатель во время знакомства с текстом романа сталкивается с противоречащими друг другу тезисами и мнениями героев, создающих особый хор. Примечателен этот роман столкновением мифа и документальности. Леонид Юзефович пишет: «Большая часть персонажей – реальные исторические фигуры, но их письма, записки и дневники, из которых, собственно, роман и состоит, сочинены автором».

Столкновение истории и мифа в художественном тексте является **предметом** исследования.

Роман Л. Юзефовича побуждает обратиться к изучению проблемы эстетики истории. Для этого мы обратились к трудам философов А.В. Гулыги и К.Г. Исупова, предложивших свой взгляд на проблему эстетизации прошлого.

Л. Юзефович избрал для своего романа форму эпистолярного и дневниковых записей. Подобная форма создаёт эффект документальности и одновременно усиливает субъективность повествования: каждый герой фиксирует события с собственной точки зрения, что формирует многоголосую структуру текста. Этот приём позволяет автору достичь двойного эффекта. С одной стороны, документальность порождает ощущение исторической

достоверности. Однако, с другой стороны, читатель постоянно сталкивается с субъективностью свидетельств.

**Цель исследования** – изучение соотношения и взаимодействия истории, исторического и авторского мифов в романе «Филэллин».

Для этого использованы описательный и сравнительно-сопоставительный **методы** исследования.

**Актуальным** представляется исследование своеобразия художественного метода Л. Юзефовича, а также проблематике исторического и авторского мифа в современном русском историческом романе.

Для достижения цели решены следующие **задачи**:

- 1) собраны критические отклики о романе, изучены научные и мемуарные материалы, посвящённые эпохе 1820-1830-х годов;
- 2) выявлены исторические соответствия, аналогии, искажения и механизмы проводимой автором мифологизации событий и исторических личностей;
- 3) проанализированы образы героев, раскрыты их исторические прототипы;
- 4) сопоставлены историческая и романная сюжетные линии;
- 5) определена роль авторской игры и создаваемого автором мифа в романе.

Цель и задачи определили **структуру** магистерской работы: введение, две главы, заключение, список использованных источников.

## **ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ**

**Глава 1** посвящена анализу исторических соответствий и реминисценций в романе «Филэллин».

События романа охватывают почти десятилетие: всё начинается с написанного для графа Аракчеева письма Григория Мосцепанова от 1822 года

и кончается последними записями камер-секретаря императора Игнатия Еловского о своей поездке в Грецию в 1835 году. Несмотря на ожидание читателей, Л. Юзефович не касается восстания на Сенатской площади и не включает в число героев декабристов. В интервью Сергею Шаргунову он объясняет это своим нежеланием касаться декабризма «мимоходом», поскольку это событие, несомненно, очень важное для русской истории, перетянет всё внимание на себя.

Несмотря на то, что в центре романа Греческая революция, фактически «военных» сюжетов в романе немного. Автор вскользь касается начала революции: дунайского похода фанариотского князя Александра Ипсиланти и казни константинопольского патриарха Григория, резни на Самосе и Хиосе. Тем не менее, эти события 1821 года даны героями только вскользь, как и весь последующий ход войны, фактически, оказывается скорее фоном для повествования, которое интересует «война» другого уровня – война духа и идей.

Л. Юзефович показывает филэллинство не как единое движение, объединённое одной идеей, напротив, он сталкивает порой противоположные друг другу видения филэллинства. Филэллины в его романе – это не нашедшие своего места на родине лишние люди, и потому, не найдя политического или духовного идеала там, они явились в Грецию, ещё поднявшейся на путь своего становления, чтобы попытаться преобразить новую страну в соответствии с собственными государственными идеалами.

Филэллины не только отличны друг от друга, они соперничают в попытке освободить страну эллинов от турок. Так, помимо отряда полковника Фабье, упоминается полк баварского полковника Карла Хлойдека (исторического подполковника Карла Вильгельма фон Гайдека (1788–1861). Костандис выделяет «сорты» филэллинов: есть чистые идеалисты, возжелавшие отдать свою жизнь за идею, и есть агенты влияния, представляющие интересы коронованных особ.

Глазами Фабье показана египетская армия Ибрагима-паши, набирающая европейских наемников без всякой идеи, в отличие от филэллинов – антифилэллины, движение-антипод. Ими движут лишь обещанные выплаты. Ибрагим-паша заявляет Фабье, что все искания инсургента уже раскрылись в Османской империи настоящего.

В центре романа – филэллинский миф. Этот европейский миф начала XIX века рассматривается в романе с разных сторон: с одной стороны, автор рисует авантюриста, с другой стороны – показывает иллюзорность надежд и идей этого авантюриста. Таким образом, филэллинство выступает как проекция европейских идеалов на чуждую им историческую действительность. Интересно, что автор касается и мифа греческого, которому свойственно отказывать новым героям в своей идентичности и смешивать пласты античности и современности.

Поздние военные действия в Греции в большей мере связаны с личностью Ибрагима-паши. Автор несколько смещает события египетской кампании в Морее: Ибрагим-паша «зимует» на Крите, переждав бурю, однако в реальности египетский паша вторгся в Грецию во время зимних штормов. Примечательна осада Акрополя: автор воссоздаёт её в целом верно, упоминая вылазки греческих повстанцев и битву при Фалероне, но вводя кульминационный момент в романе – встречу Ибрагим-паши и Фабье, чего, вероятно, в истории не могло случиться.

В «Филэллине» Юзефович создаёт свою особую, авторскую историческую реальность, лишь отчасти противоречащую реальным историческим фактам. В ней автор в целом придерживается достоверности, сохраняя важные исторические вехи нетронутыми и приближенными к сведениям из источников эпохи, но при этом там, где конфликт множественных идеалов соприкасается, исторический материал преобразуется – особенно там, где у нас не осталось свидетельств или они малочисленны и противоречивы.

В главе 2 представлена система героев в романе «Филэллин».

Среди исторических событий действуют как реальные исторические личности, так и вымышленные герои. В связи с этим героев романа можно поделить на следующие три группы: 1) исторические личности, фигурирующие под своими именами, 2) герои, имеющие исторических прототипов, которым автор частично поменял имена, и 3) вымышленные псевдоисторические персонажи.

В параграфе 2.1. проанализирован образ Григория Мосцепанова.

Это отставной штабс-капитан, яростный правдоискатель и кляузник, после неудачи в своей борьбе решил направить всю свою силу на помощь греческому вопросу. В этой связи следует отметить: у этого героя есть исторический прототип: главный учитель Выйского училища Евлампий Максимович Мосцепанов, черниговский дворянин и участник Отечественной войны 1812 года.

Фрагменты, посвященные Мосцепанову, содержат хронологические анахронизмы. Исторический Мосцепанов был заключён в остроге с 1821 года, в романе – с 1823 года. Его судьба остаётся неясна для источников, и в романе это обыгрывается: Мосцепанов дважды «умирает», оказывается в ссылке. Чем дальше Мосцепанов от России, тем более в нём проявляется мифическое начало: подобно эпическому герою, он покоряется судьбе и следует за ней в «загробный мир» – волшебную Грецию.

Важна его особая роль в романе: Мосцепанов – герой, соединяющий сюжетные линии романа. Он выступает дойником Фабье, также имеет своё видение обустройства Греции после победы, однако на деле он ищет в Греции идеальную Россию. Автор выделяет филэлинство Мосцепанова через бытовые детали: он плетёт рамки для картин князя Ипсиланти и Парфенона.

В параграфе 2.2. рассмотрен образ французского инсургента Шарля-Антуана Фабье. Исторический прототип Шарля-Антуана – наполеоновский офицер и аристократ, барон Шарль-Николя Фавье. Впервые мы встречаем его на страницах романа за чтением руанского «Меркурия», а именно газетной зарисовки о себе же. Через этот очерк читателю даются основные детали

биографии героя: участник русской кампании, после реставрации Бурбонов бежал в Испанию, где воевал на стороне конституционалистов, когда же революция там была разгромлена французскими войсками, предложил свои услуги греческому правительству.

Для образов Фабье и Мосцепанова, двойников, примечательна их хромота – физическое отображение их душевной хромоты. Хром в романе также Александр I и Байрон.

Любовная интрига между Фабье и миссис Пэлхем выстраивается на основе их общего филэллинства. Однако Пэлхем выступает скорее антифилэллином: её интерес не столько обращён к Греции, сколько к личности Байрона и отражённой романтиками Греции – примете моды. Она становится первым разочаровавшимся героем романа.

Фабье надеется найти в Греции идеал революционной утопии, которую не смогли осуществить французы после революции. Сюзи подорвала его веру, однако финальный удар нанёс Ибрагим-паша, развеяв все его надежды на преобразование Греции в будущем. Разуверившись в своих иллюзиях, бывший революционер попытался посадить на престол Греции герцога Намюрского и вернулся на родину, где наконец-то нашёл для себя место.

В параграфе 2.3. проанализированы образы камер-секретаря Еловского и императора Александра I.

Автор создаёт свой собственный миф об императоре Александре.

Еловский через свои тексты выступает своего рода проводником мыслей императора. Это вымышленный герой, собирательный образ царедворца. Одним из прототипов установлен камердинер императора Егор Анисимов.

В судьбе Александра также наблюдаются хронологические смещения: события Брест-Литовских военных смотров смещены на год, в 1824, уже после смерти Софьи Нарышкиной и посещения царём Грузино; автор опустил позднее путешествие по западной части империи и сместил октябрьское путешествие по Крыму в сентябрь.

Александр – фаталист. Его мифологическим двойником становится Александр Великий. Как и великий македонец, государь судьбе противится и ищет способы превозмочь её, найти альтернативы. Александр ищет подобное македонскому полководцу историческое мужество, пребывает в неизменном поиске иных путей, как пишут и Еловский, и Костандис: «поиске средней линии».

Несомненно, Александр предстаёт как филэллин. Он стоит на мучительном перепутье между состраданием и государственным расчётом. Это распутье на пути к решению разгоревшегося дипломатического кризиса мучительно для Александра: как отмечает Еловский при описании банкета у великого князя Константина Павловича, русский царь «жаждет высшей правды», но, осознавая, что таковой не существует, не желает занимать определенную сторону лишь потому, что на ней «свои». Стоит отметить, что русский царь проводит резкую черту между древней Элладой и современной Грецией.

В сюжет романа включены сохранившиеся в источниках воспоминания о царе, в частности Д.К. Тарасова и императрицы. Не во всём романый Александр соответствует своему прототипу. Но главный миф, сотворённый автором, – передача сердца умершего императора Костандису для захоронения в благодатной земле Аттики.

В параграфе 2.4. проанализированы образ Константина Костандиса и греческая тема.

Костандис – единственный грек с собственным голосом в романе, молодой лекарь при дворе императора. Он служит русскому двору и тайно передаёт греческим морякам сведения о положении дел для освобождения Греции. Официально он – сын таганрогского грека и донской казачки, однако на самом деле – афинянки и александрийского грека. В отличие от филэллинов, его образность воплощает народную поэзию и византийскую книжность.

В романе важна формирующаяся греческая идентичность: греки осознали себя наследниками Древней Эллады, а не средневековыми ромеями. Герои по-

разному отзываются о греках, и эти образы дополняют мозаику романа. Почти все европейцы в романе считают греков разбойниками и варварами. Мосцепанов хоть и приводит примеры «лихого» нрава, не столь категоричен и проводит идею греко-русского братства, который находит выражение в образе Гриши Цикуриса – грека-одессита и поэта, в котором герой находит духовное родство двух народов.

В параграфе 2.5. проанализирован образ Беаты Варвары Юлии фон Криднер. Баронесса Криднер – заметная историческая личность, писательница, проповедница и бывший придворный мистик Александра I. Она – филэллин, но её сочувствие обращено не столько к грекам, сколько ко всему человечеству, ради которого, по её словам, страдает Греция. В своих предсказаниях Криднер обращается к сюжетам древнегреческих мифов и библейскому писанию, она называет себя Кассандрой, и в этом заключается её внутренний конфликт: её никто не слушает, однако её предсказания сбываются, пускай и часто несут в себе противоречащие действительности детали. Баронесса Криднер является проводницей между несостоявшейся исторической альтернативой и исторической действительностью.

В параграфе 2.6. проанализирован образ Парфенона как центра романного хронотопа и своего рода героя романа. Вокруг Парфенона и Акрополя выстроены искания филэллинов и их утопические картины. Цинично о греках и судьбе Парфенона отзывается Фабье, уверенный, что те сами его распродадут; родственны но не идентичны взгляды баронессы Криднер и Мосцепанова на Парфенон как на центр нового мира под крестом. В финале образ Парфенона снижается: Еловский и барон Криднер узнают, что король Оттон велел построить на Акрополе дворец, где Парфенон стал «парадным входом» – пародией на рисунок баронессы.

Проанализированы авторско-мифологический и исторический пласты в романе «Филэллин», выделив важные вехи реальных исторических судеб и дешифровав прототипов в героях.

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Роман Леонида Юзефовича «Филэллин» отличается синтетической природой. Мы склонны согласиться с мнением критиков о постмодернистской природе писательского эксперимента: в «Филэллине» Юзефович сталкивает в схватке за правду ненадёжных рассказчиков – свидетелей исторических событий. Важные для истории Греции и России исторические вехи переданы автором в целом верно и не лишены достоверности, однако метаморфозы исторического материала хорошо заметны в личных судьбах героев романа. Интимная природа писем и дневниковых записей героев позволяет нам судить о степени мифологизации исторической реальности через оставленные героями недосказанности, противоречащие друг другу свидетельства, часто написанные под воздействием чувств. В процессе исторического мифотворчества автор восполняет пустующие лакуны документа авторским вымыслом или историческим же мифом, бытовавшим в эпоху.

Порой герои фигурируют не как реально существовавшие личности, а мифологические персонажи, существующие в переходных состояниях между жизнью и смертью. Такими героями выделяются Александр I, чью смерть на миг под сомнение поставил его камер-секретарь, и Григорий Мосцепанов, который на страницах романа дважды «умер», оказался в ссылке или, в итоге, остался жить в благодатной Греции, отказавшись от своих губительных идеалов. Именно в своём идеализме, приверженности своим убеждениям герои романа сопоставимы с героями античных мифов, однако, в отличие от них, находят силы отказаться от них, чтобы продолжить жить, не постигнув кары богов. В этом отношении выразителен образ Александра I, который остаётся до последнего верен своему идеалу, за что судьба и губит его.

Примечательно для нас и наличие в романе очевидных исторических альтернатив, тесно связанных с фигурой баронессы Криднер. Альтернативная история и несостоявшиеся варианты, сплетённые с историческим пространством романа, становятся одним из пластов созданной автором

реальности – почти зримым, но всегда далёким от героев и читателя. Эта альтернативная история выражена и в качестве реалистических сюжетов, какие могли состояться в реальности, и в утопиях филэллинов, и в мистической форме пророчеств и видений. Так автор создаёт более динамичный, изменчивый исторический поток, отвергая принятый в среде исследователей тезис об устоявшейся, застывшей истории, которую нельзя преобразить.

Как мы можем заметить, в романе Юзефович синтезирует документ и миф, создавая вполне достоверную картину. Также мы выяснили, что мифы, фигурирующие в романе, являются как реально бытовавшими в историческое время и просто заимствованными автором, так и созданными автором для заполнения «тёмных» мест истории. Примечательно, что сам Юзефович отрицал документальную природу романа, считая его в большей мере историческим романом, а не документальным.

Исследование проблемы взаимодействия истории и мифа в художественном тексте будет продолжено. Требуется уточнений и корректировок понятие «эстетика истории», и системный анализ творчества Леонида Юзефовича позволит это сделать. Ещё одним важным направлением может стать анализ динамики развития исторического романа в XXI веке, в том числе на материале романов Леонида Юзефовича.

Исследование прошло **апробацию** на всероссийской научной конференции молодых ученых «Филология и журналистика в XXI веке» (апрель 2025 г., апрель 2026 г.), VIII Международной конференции «Россия и Греция: диалоги культур» (Петрозаводский гос. университет, 3-4 октября 2025 г.); XIII Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе» (Нижегородский гос. университет, 24 октября 2025 г.)

Результаты изложены в публикациях, размещенных в РИНЦ:

1. Самсоник Н.М. Двойное зрение (история и миф) в романе Л. Юзефовича «Филэллин» / Н. М. Самсоник // *Метаморфозы истории : артефакт, память, имажинация в художественных дискурсах : Коллективная монография.* Нижний Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025. 593 с. С. 241-249.

2. Самсоник Н.М. Система героев в романе Л. Юзефовича «Филэллин» / Н. М. Самсоник // *Сборник научных статей по материалам VIII Международной конференции «Россия и Греция : диалоги культур» 4 октября 2025 г.* Петрозаводск, 2026. С. 51-57.

3. Самсоник, Н.М. Проблема филэллинства в рассказе Леонида Юзефовича «Филэллин» / Н. М. Самсоник // *Филологические этюды : сборник научных статей молодых ученых / редакционная коллегия: И. В. Бибина (ответственный редактор) [и др.]. – Саратов : Саратовский университет [издание], 2026. – Вып. 29, ч. 1–3. – 436 с. С. 81-84. URL: <https://www.sgu.ru/struktura/uprid/nauchnye-izdaniyasgu/sborniki-i-prodolzhayushiesya-izdaniya/filologicheskie-3-2>. – Режим доступа: Сборники и продолжающиеся издания на сайте [www.sgu.ru](http://www.sgu.ru). eISSN 3034-6606. – Текст: электронный.*